

КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ ФАШИЗМА И ТОТАЛИТАРИЗМА РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА ВОЛЬФГАНГА ВИППЕРМАННА

Своими новыми двумя детально аргументированными и аннотированными исследованиями истории изучения фашизма¹ и тоталитаризма² берлинский историк профессор Вольфганг Випперманн предоставил учёным два полезных рабочих инструмента. Для немецкоязычных стран эти работы являются, учитывая их полноту, уникальным в своём роде ретроспективным обзором концепций и моделей понимания фашизма и тоталитаризма. В отличие от большинства ранних аналогичных американских и западноевропейских анализов различных интерпретаций этих явлений, работы Випперманна охватывают практически весь диапазон представлений – от национал-консервативных до вульгарно-марксистских – и подчёркивают имеющиеся иногда глубокие разногласия в восприятии этих концепций в научных и интеллектуальных дискуссиях в различных западных странах (например, во Франции, США, Германии). Книги предоставляют также ключ к пониманию большинства политических инструментализаций этих терминов (как, например, сталинский «социал-фашизм»). В отличие от ряда последних работ на подобную тему (иногда с похожими названиями)³, в которых рассматриваются или исключительно научные, или только отдельные аспекты научных и политических интерпретаций «фашизма» или «тоталитаризма», в исследовании Випперманна содержатся, по меньшей мере, ссылки и указания на литературу почти ко всем предложенным разными авторами значимым определениям и объяснениям. Это особо необходимо отметить, принимая во внимание краткость обоих исследований. Ещё одним, простым, но всё же существенным преимуществом данных работ является то, что они в основном построены по хронологическому принципу, что позволяет проследить эво-

¹ Wippermann W. *Faschismustheorien: Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute*. Darmstadt, 1997.

² Wippermann W. *Totalitarismustheorien: Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute*. Darmstadt 1997.

³ Kuhn R. *Faschismustheorien: Ein Leitfaden*. Heilbronn 1990; Tormey S. *Making Sense of Tyranny: Interpretations of Totalitarianism*. Manchester 1995; Gregor A. J. *Interpretations of Fascism*. New Brunswick, 1997.

люцию различных трактовок в их научно-историческом и политическом контексте. Причины напряжённой дискуссии об использовании терминов «фашизм» и «тоталитаризм» применительно к эмпирическим явлениям во многом объясняются простым незнанием чрезвычайно различающихся и сильно меняющихся коннотаций и деннотаций обоих понятий. При использовании этих терминов различными исследователями, публицистами и политиками и внешняя сторона этих определений, и их внутреннее содержание часто наделялись различным, если не противоположным, смыслом. Всеохватывающий обзор, сделанный Випперманном, поможет избежать в будущем такого рода недопонимания.

Очевидно, что седьмое издание «Теорий о фашизме» является, с некоторыми оговорками, более удавшимся из двух данных исследований. Введение под названием «Тупик в научной истории?» прямо ставит основной вопрос относительно концепции генерического фашизма. Далее в работе даётся характеристика и критика всех основных школ (коммунистической, социалистической, консервативной, либеральной) и спорных вопросов (фашизм как представитель капитализма, бонапартизм, движение среднего класса, психопатологическое явление, диктатура периода модернизации и специфический феномен определенной эпохи), а также важнейшие оспаривания необходимости данной концепции из перспектив исторического номинализма, тоталитарной парадигмы и холокостовских исследований. В завершении в поддержку своей собственной мультикауальной теории фашизма Випперманн приводит аргументы, в основном сходные с идеями ведущих англоязычных теоретиков-компаративистов фашизма Стэнли Пэйна¹ и Роджера Гриффина².

Несмотря на то, что противопоставление конкурирующих теорий Випперманном более многогранно, чем обзоры литературы Пэйна, Гриффина и других авторов, его аргументы сформулированы иногда менее четко. Исследование Випперманна приобрело бы большую ясность, если бы автор более четко разграничил концепции и определения фашизма как политологического понятия с одной стороны, и казуальные теории возникновения и развития фашизма, с другой стороны. Работа бы выиграла, если трактовка автором этих двух вопросов, тесно связанных эмпирически, но принципиально различающихся в методологическом плане, было бы более разграничено. Аналогично более чётко должна быть проведена граница между анализами и определениями фашистских идеологий с одной

¹ Payne S.G. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison (Wi), 1980, и Payne S.G. *A History of Fascism, 1914-1945*. Madison (Wi), 1995.

² Griffin R. D. *The Nature of Fascism*. London 1993, *Fascism* / Ed. Roger D. Griffin. Oxford 1995 и *International Fascism: Theories, Causes, and the New Consensus* / Ed. Roger D. Griffin. London 1998

стороны, и движениями, партиями и режимами фашистской направленности, с другой стороны. В конце концов, «фашизм» является всего лишь типом идеологии. Отличительные признаки конкретных носителей идеологии (таких, как интеллектуальные круги, политики, государственные служащие, партии, кружки, средства массовой информации), а также социо-культурные и политические обстоятельства, в которых они действуют, приводят к более значительным различиям между политическими институтами и стилями, чем между идеями, лежащими в их основе.

Применение Випперманном определения фашизма как – в Веберовском смысле – «реальный» тип, то есть измерение сходства изучаемого явления с итальянским прототипом, оказывается мало плодотворным в методологическом плане (см. также работу Випперманна 1983 г.¹). Более или менее сходство между подозреваемым в фашистской сущности явлением (*putative fascisms*) и итальянским фашизмом устанавливается в конце концов всегда на основании общих, идеально-типных концепций, как, например, национализм или революционаризм, а не на основе каких-либо конкретных внешних признаков (например, схожей униформы – чёрных рубашек). Рассмотрение фашизма в его «идеальном» значении, то есть анализ только основополагающих идей отдельных видов фашизма независимо от их различных внешних проявлений было бы более выигрышным, чем опора на лишь одну форму фашизма, возникшего в отдельной стране, а именно, в Италии. Тем более в 1920-х гг. в Италии ещё не завершился процесс становления национального государства, и это, в свою очередь, предопределило особый, «смешанный» фашистско-монархически-традиционалистский характер итальянского государственного строя межвоенного времени.

Новое исследование Випперманна под названием «Теории тоталитаризма» содержит не только критику различных толкований и применений концепции тоталитаризма, но и носит порой характер полемики. Такой подход мог бы показаться «ненаучным», но в данном случае его применение кажется понятным и даже оправданным. Не только часто переоценивались аналитическая и эвристическая польза использования понятия «тоталитаризм» как режимотипологического, роль вождя и монолитный характер этих режимов. Целый ряд авторитетных толкований «тоталитаризма» тем или иным образом, скрыто или явно преуменьшали особый характер преступлений немецкого национал-социализма. Характерно, что авторство некоторых из самых нечувствительных из таких выступлений при-

¹ Wippermann W. *Europaischer Faschismus im Vergleich 1922-1982*. Frankfurt am Main, 1983.

надлежит бывшим радикальным коммунистам, изменившим своим убеждениям – так называемым «ренегатам».

Можно выделить по меньшей мере три разновидности неоправданного использования концепции тоталитаризма. Во-первых, некоторые авторы ошибочно выделяют тесную причинно-следственную между восходом и приходом к власти коммунистов и фашистов. Эрнст Нольте определяет фашизм просто как «антимарксизм», как реакцию на создание СССР. Согласно такому видению захват власти большевиками служил примером и решающей предпосылкой для прихода к власти фашистов в Европе. Не смотря на то, что ленинская «партия нового типа» действительно явилась примером для большого многообразия националистских партий во всем мире, нельзя не учитывать значительные различия между приходом к власти фашистов и коммунистов, а также между нацистскими лагерями уничтожения и первых ленинских «концентрационных лагерей» (размах сталинского ГУЛАГа на Западе было долгое время не известно). Что важнее, фашизм не ограничивается только тем, что представляет собой противоположность марксизму или реакцию на него. Большевизм, либерализм и христианство в понимании Гитлера являлись в равной степени предосудительными, так как все они имели «еврейское» происхождение. Если, тем не менее, попытаться дать определение фашизма методом «от противного», то он с равным успехом может быть охарактеризован как «антиконсервативное», «антилиберальное», так и «антимарксистское» явление.

Во-вторых, некоторые авторы рассматривают как – по своему месту в мировой истории – идентичный сталинское «государство террора» и нацистское «расовое государство». Хотя число жертв в результате предпринятых Сталиным коллективизации, индустриализации, чисток, депортаций и количество погибших в последствии безжалостных военных операции намного превосходит число жертв нацистского режима, истребление еврейского населения фашистами, холокост, не имеет себе равных в мировой истории по своему идеологическому и теоретическому обоснованию, своей целенаправленности, систематичности, основательности, организованности как промышленное предприятие и технологическому оснащению. Сопоставление этого явления с массовыми убийствами в Советской России, Китае или Камбодже, – *в общественных системах, к тому же, находящихся, в отличии от нацистской Германии, на прединдустриальной стадии развития* – возможно только частично.

В-третьих, фашизм как идеология сопоставляется с классическим марксизмом. Этот подход неудачен потому, что некоторые основополагающие элементы современных европейских обществ, как, например, социал-демократические или реформистско-

коммунистические партии, а также и современные социальные науки в значительной степени произошли именно от марксизма. Огромное влияние, которое марксизм оказал на мировую философию и политику, обусловило формирование не только восточно- но и *западноевропейских* государств в том виде, в котором они существуют сегодня. Если бы действительно было такое сходство между марксизмом и фашизмом, как это представляет в своих работах целый ряд авторов (а среди них немало бывших ранее промарксистски настроенных), то удивляет то, что среди фашистских деятелей к сожалению трудно найти эквиваленты таким представителям марксистской идеологии как Эдуард Бернштейн, Александр Дубчек или Михаил Горбачёв.

Не смотря на это, действительно можно отметить ряд сходных черт не только между сталинским и нацистским режимами, но и между сталинской и нацистской идеологией. Випперманн неправильно утверждает, что сталинский и фашистский режимы «имели почти диаметрально противоположные идеологические цели»¹. Грамматика и оправдание политики, проводимой Сталиным, были конечно в значительной степени обусловлены марксистско-ленинской или «ультралевой» идеологией. Однако направленность и содержание изменений, произошедших в социокультурной и политической сфере при Сталине, приобрели со временем националистский, традиционалистский, «ультраправый» характер². Чтобы проиллюстрировать то, что изменения, произошедшие в советском государстве с 1928 по 1953 г., с трудом можно назвать однозначно «левыми» мерами, можно привести несколько примеров: запрет аборт и другие консервативные меры в отношении семьи, введение различных льгот и привилегий для государственных служащих, радикальная русификация нерусских этнических групп, чрезмерное превознесение российской истории и особенно таких неоднозначных государственных деятелей как Иван Грозный и Пётр I, сворачивание молодой советско-марксистской историографии, подчёркивание особой, ведущей роли «русского народа» и слияние «советского патриотизма» и русского национализма, жестокие меры «по наведению порядка», депортации, изоляция и изгнание этнических меньшинств, а также и становившееся всё более явными проявления антисемитизма,³ по-

¹ Ibid. S. 86.

² Brandenberger, D. L., "The People Need a Tsar": The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931-1941 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. N. 5. P. 873-892.

³ См. Gilboa Yehoshua, *The Black Years of Soviet Jewry, 1939-1953*. Boston and Toronto, 1971; Redlich Sh. *Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR, 1941-1948*. // East European Monographs. N. 108. Boulder (Colorado), 1982; Rapoport L. *Stalin's War Against the Jews: The Doctors' Plot and the Soviet Solution*. N.Y. and Toronto, 1990; Vetter M. *Antisemitism und Bolschewiki: Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft*. Berlin, 1995; Ваксберг А. *Сталин против евреев: Секреты страшной эпохи*. N.Y., 1995; War, Holocaust and

пытки распространить влияние Советского Союза посредством преследования независимых коммунистических движений за границей (что подробно описано Випперманном) и постепенное сближение с Гитлером в 1939 – 1940 гг. Не смотря на то, что именно Ленин способствовал выдвижению Сталина, создал основные институциональные рамки для усиления в последующем его власти и во многих аспектах являлся для Сталина примером и вдохновителем, большинство из вышеперечисленных явлений при власти основателя советского государства было бы немыслимо. Политика, проводимая Сталиным, являлась не только продолжением ленинской теоретической ревизии и его прагматичной инструментализации классических марксистских идеи, но была во многом диаметрально противоположна системе ценностей «левой» или «ультралевой» направленности. Поэтому претензии Сталина на то, что он проводит «вторую революцию» кажутся не такими уж необоснованными. Ведущий исследователь итальянского фашизма Университета Калифорнии в Беркли А. Джеймс Грегор даже уверял, что преследование большевиков Муссолини и Сталиным вполне сопоставимо¹.

К сожалению, эта важная характеристика сталинского режима времени его расцвета – деградация классического марксизма в своего рода комплиментарную идеологию и коренная идейная, кадровая и структурная реформация советского государства – в работе Випперманна не уделяется должного внимания. Хотя ряд авторов выделил гибридный характер советской системы и существование изменений, произошедших с 1917 по 1953 гг. и позже с разных точек зрения² в определённой степени понятно, чем объясняется заблуждение Випперманна и других исследователей относительно особого характера русского коммунизма и национализма. Оно основывается

Stalinism: A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR / Ed. Shimon Redlich. Luxembourg, 1995; Kostyrchenko G.V. *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia*. Amherst, N.Y., 1995; Borschtschagowski A. *Orden für einen Mord: Die Judenverfolgung unter Stalin*. Berlin 1997; Lustiger A. *Rotbuch: Stalin und die Juden. Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden*. Berlin 1998; Luks L (ed.). *Der Spätsalinismus und die 'jüdische Frage': Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus*. // Schriften des Zentralinstituts für Mittel- und Osteuropastudien 3. Köln, 1998. См. также рецензии: Robert Conquest, *'Stalin and the Jews'*, // New York Review of Books. 1996. 11 July. P. 46-50, and David L. Brandenberger // *Europe-Asia Studies* 1999. Vol. 51. N. 2. P. 347-368.

¹ Gregor, A. J. *The Ideology of Fascism: The Rationale for Totalitarianism*. N.Y. 1969. P. XIII.

² Agursky, M. *The Third Rome: National Bolshevism in the USSR*. Boulder (Co), 1987; Barghoorn F. *Soviet-Russian Nationalism*. N.Y., 1956; Gregor A.J. *The Ideology of Fascism: The Rationale for Totalitarianism*. N.Y., 1969; Gregor A.J. *The Fascist Persuasion in Radical Politics*. Princeton (NJ), 1974; Gregor A.J. *Italian Fascism and Developmental Dictatorship*. Princeton (NJ), 1979. *Sowjetpatriotismus und Geschichte: Dokumentation*. / Hg. E.Oberlander. Koeln, 1967; Tucker, R.C. *Towards a Comparative Politics of Movement Regimes* // *American Political Science Review*. 1961. Vol. 55 (2). P. 281-289; Tucker, R.C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941*. N.Y., 1990; Brandenberger, D. L. "The People Need a Tsar". P. 873-892.

на более широком непонимании координат российского политического спектра до, во время и после советского периода.

Сущность российского ультранационализма или правого радикализма, начиная со времён политической радикализации славянофильства во второй половине XIX в., определяют различные интерпретации так называемой «русской идеи»¹. Однако по западным меркам, характер основных составляющих «русской идеи»: радикальный антииндивидуализм, коллективизм и антикапиталистическая направленность, считался бы «левым» или даже «ультралевым». Именно особая схожесть и взаимопроникновение некоторых составляющих русского антилиберализма ультралевой или ультраправой направленности предоставило Сталину возможность – а именно политическое пространство и кодовые термины – для принципиально новой интерпретации советской идеологии. Игнорируя эту российскую особенность, Випперманн и другие критики чрезмерного растягивания концепции тоталитаризма, не в состоянии решить противоречие между их решительным отказом от формулы «красное равно коричневому» и, тем не менее, явными сходствами между нацистским и сталинским режимами. Одной только ссылки на уникальный характер холокоста не достаточно.

Тем не менее, обзор Випперманном литературы, посвящённой фашизму и тоталитаризму, является на сегодняшний момент самым полным из аналогичных исследований, написанным на немецком языке. По широте диапазона и своей актуальности к «Теориям тоталитаризма» Випперманна приближается лишь обширное англоязычное исследование истории холодной войны Эббота Глизона под названием «Тоталитаризм», в котором к тому же более подробно рассматриваются различные споры в советологии². Однако для тех, которые хотят найти короткие, сжатые введения а также полные и соответствующим образом прокомментированные библиографии ко всему многообразию трансформирующихся определений и применений обеих концепций – фашизма и тоталитаризма – с момента их появления примерно 75 лет тому назад, исследования Випперманна, будут более полезны чем любые аналогичные ранее публиковавшиеся работы по теме теорий фашизма и тоталитаризма*.

¹ Laqueur W. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. N.Y., 1993; McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton (NJ), 1995.

² Gleason A. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. N.Y., 1995.

* Перевод с немецкого языка О. Смырно.